

Рупосова Л.П.

Московский государственный
областной университет

КОНЦЕПТ «СИНТАКСИС» В ЛОГИКАХ И ГРАММАТИКАХ КОНЦА XV – XVIII ВВ.*

Аннотация. В статье рассматривается метаязык учения о соединении слов в смысловое целое. Это учение первоначально излагалось в логиках и диалектиках, а с 20-х гг. XVII в. стало на Руси и разделом грамматик.

Ключевые слова: синтаксис, соединение слов, предложение, высказывание, имя, предикат.

L. Ruposova

CONCEPT OF «SYNTAX» IN LOGICS
AND GRAMMARS OF THE LATE XVTH–
XVIIITH CENTURIES

Abstract. The present article considers the metalanguage of the teaching on bringing words into a meaningful whole. The theory originally appeared in logics and dialectics, and from the 1620s in Old Russ on became a part of grammars.

Key words: syntax, combination of words, sentence, utterance, name, predicate.

В курсах по истории лингвистических учений *синтаксис* характеризуется как область языкознания, долгое время находившаяся под влиянием логики и риторики. Обращение к трудам философов, грамматистов и риториков (Платона, Аристотеля, стоиков, Дионисия Фракийского, Дионисия Галикарнасского, Доната и др.) свидетельствует о неразработанности проблем синтаксиса в античной грамматике, хотя уже в V в. до н.э. Гераклит выделял *логос* как особую философскую категорию, содержание которой синкретично. Это – слово, предложение, высказывание, речь; смысл; понятие, суждение; законченный текст. Логос понимался в античный период как универсальная осмысленность бытия, которой в речи соответствовал понятийный уровень. Языковой анализ проводился античными авторами на уровне слова и, соответственно, путем описания разных категорий слов, оформляющих вопрос или ответ, просьбу или «поручение». В известной хрестоматии «Античные теории языка и стиля» используются варианты специальных лексем

для передачи синкретизма понятий античной гуманитарной мысли. Так, члены триады Демокрита (середина I в. до н.э.): предложение (высказывание) / словосочетание, целостная по смыслу часть предложения/имя в переводе названы: *речь, логос / речение, рема / имя*. У Платона идея Демокрита конкретизируется: *речь* включает в себя в качестве обязательных составляющих имя (*ονομα*) и глагол (*ρημα*). Имя выражает понятие. В соединении или в разделении этих двух «единиц», согласно учению Платона, можно обнаружить истинность/ложность высказывания. Но четкой границы между именем/ субъектом, глаголом / предикатом у Платона, а позже у Аристотеля нет. *Составной звук* (предложение, высказывание. – Л.Р.), имеющий самостоятельное значение, отдельные части которого также имеют самостоятельное значение, рассматривается Аристотелем с логических и грамматических позиций. Но предложение как часть «изложения» рассматривалась им в общем ряду: «элемент», слог, союз, имя, глагол, падеж. Члены предложения как особые единицы античными авторами не выделялись. Дифференциальные признаки «изложения», установленные Аристотелем: истинность, связность, целостность мысли – были освоены позже риторикой. И сам Аристотель рассматривал части речи как словесное выражение частей суждения, приписывая суждению способность *утверждать* или *отрицать*. Все остальные высказывания философ (повествование, побуждение) подводил под понятие предложения (речи), демонстрируя, что предложение шире суждения [1]. Сам же термин *синтаксис* ввели в научный оборот стоики.

Аполлоний Дискол (3 в. н.э.) создает *синтаксис частей речи*, описывая *слово* и его связи и формы в составе предложения. Византийский автор «Курса грамматики», которую можно назвать философской, Присциан (VI в.н.э.) ввел в научный оборот понятие *конструкции* – упорядоченного соединения частей речи или речевой цепи, лат. *constructio* – «взаимное расположение частей» [2].

* © Рупосова Л.П.

Таким образом, изучение мышления, слова и речи в древности велось с разных позиций: логики (диалектики), риторики и грамматики. Это не могло не оказать влияния на науку Западной Европы и Руси.

Учение о соединении слов – «словосочетании» – получило развитие в труде греческого ритора Дионисия Галикарнасского «О соединении слов». Русь начала осваивать это учение в 20-е гг. XVII в. в связи с переводом риторики Макария. Здесь есть раздел о фигурах речи: грамматических и риторических. Грамматическими фигурами названы *слова или речи и слога слов* – «просто слова и конструкции». Для нас представляют интерес вторые. К видам глаголанья (*слагания слов*), т. е. к способам соединения слов в предложениях отнесены: *соединение (союз, копуляция, плака*, типа: был Федор Федором), *асиндетонъ, (несоединение, разнь)* – «бессоюзи», *полисиндетон (множественный союз)* – «многосоюзи», *эклепсисъ (недостаточное)* – «эллипсис», *гласное обявление* – «восклицание с частицей, чаще – с О», *zeugma (спряжение, союз)*, *силепсис (объятие)* и др. [3].

Выделение синтаксиса в особую филологическую дисциплину в средневековой Европе связано с его становлением и развитием в рамках философского анализа речи.

Перевод Дмитрием Герасимовым «Доната» (1480 г.) – школьной грамматики Элия Доната с параллельными латинским и немецким текстами – не получил широкого распространения в среде восточнославянских книжников. Части речи в этой работе анализируются в составе *вѣщания* – «высказывания».

Источником сведений по синтаксису в средние века стали логики, где рассматривались, с опорой на «логику» Аристотеля и труды других античных мыслителей, номинативные единицы логического мышления, их члены и типы с соответствующими классификациями.

Остановимся только на специальных понятиях, которые в дальнейшем оказали влияние на развитие синтаксиса как специального раздела грамматики. Появившиеся в конце XV в. на Руси списки так называемой «Логике Авиасафа» в качестве исходного глобального понятия используют греч. *νοος (vous)* – «ум, разум, мысль; смысл, значение слова», в славянском тексте – *носуя (носея, насу, носе)* (НРБ, Q XVII, 261, с. 45). Аристотель под *мыслями* понимал суждение. Гречизм в славянском переводе отнесен и к субъекту и к

предикату и, кроме того, означает само суждение. В дальнейшем в текстах только славянские эквиваленты: *держитель (держатель, одержитель)* – «субъект», *одержанный (одержаникъ, одержание, одержательный)* – «предикат», «суждение» – *осудъ (сосудъ, судно)* (Лог.-1: 124; Лог.-2: 45). Здесь же описываются разновидности *прилоговъ* – «атрибутов», формирующих частные утвердительные суждения. Суждение – составная часть силлогизма – *ровнания (ровнаго, сложения осудоваго)* *Предки* – «простые утверждения» *рожаютъ ровнание* (Лог.-1: 128; Лог.-2: 51). Силлогизмам соответствуют сложные предложения, состоящие из двух предикативных частей, чаще причинно-следственные или условно-следственные, которые трактуются с позиций формальной логики Аристотеля. Качественно новый материал содержит переводная логика второй половины XVII в. В связи с изменением техники перевода в это время в тексте представлены некоторые латинизмы, гречизмы, и кальки: *субектумъ (подлежащее или подданое)*, *категория (категориасъ или явственное оглаголанье)*, *силогизмъ*.

В «Диалектике» (в средневековом понимании – книга об искусстве прения – *двоесловница*) Иоанна Дамаскина суждение названо *изъявлением* или *объявлением*. В источнике впервые появляется лексема *предложение*, по нашему мнению, синкретичная: *Егда же протянем ся на взыскание, дша безсмертна ли есть, нарицается сие предложение* (Диал.: 93) – «предложение; суждение; риторический вопрос». *Еже убо подлежащее имя глется, а еже наньг(лаго)лемое (нань гл(аго)лемое) глется гл(аго)лъ* (Диал.: 91-93). При этом *подлежащее*, обозначая как субъект, так и объект, прямо связывается «с лежащей под именем вещью», в современном понимании – денотатом, а предикат с общим философским ее определением: *наньг(лаго)лемъ, наньглаголатися* – «давать общее определение», ср.: *наньглаголанье* – «категория» [4].

Эти категории, начиная с «Российской грамматики» М.В. Ломоносова, называются *части речи*.

До появления в 1619 г. труда Мелетия Смотрицкого в грамматических сочинениях по церковнославянскому языку, известных у восточнославянских книжников, гречизм *синтаксисъ (свнтаскъ, свнтаксисъ)* обозначал в соответствии со своим первичным значением любые соединения единиц разных языковых уровней: сочетания букв, морфем, чаще всего, корня и окончания, членов пред-

ложении – слов. К словам отнесены: *Петръ и Павелъ апостоли; Петръ учитъ, Павълъ посилает, Матфей благовестует* и под. Ср.: *Речениа четыре сотвориша слово: члкъ есть животно словесно...Сице слово по осмочастию изложение нарицается; Слово есть речении сложение. Речении бо сложение являет мысль самосовершенну* (Грамм.-1: 18 -18 об.); *Свнтаксисъ есть счинение словесъ* (История, Град.ц., конец XVII в.: 17); *грамматика славянорусская съ синтаксиею* (Мат. АН 1743: 542).

Мелетий Смотрицкий в своем труде «Грамматика славенския правильное Свнтагма» (1619 г.; 1648 г. – без имени автора) вводит в научный оборот грецизм: *синтагма* (ср. р.) – «вместе построенное, соединенное» с его определением «соответствующее правилам, т. е. нормам». Грамматист снабжает грецизм *Свнтаксисъ (Свнтаксеос)* в третьей части своего труда (с. 389-475) глоссой: *славенски Сочинение (Сочинение грамматичне)*. Автор отсылает читателя к учению о восьми частях речи, но ставит задачу открывать *разум* сочетающихся частей речи в *простом* синтаксисе: *речениа ко осми слова частемъ возносимая/известнымъ нѣкоимъ чиномъ сочиняти*. В этой части используется терминология морфологии, как и у античных мыслителей: названия частей речи, грамматических форм. Причем грамматист может излагать фактический материал, опираясь на стержневое слово, типа: *о Г(лаго)ла Страдателнаго сочинении* или на зависимое, типа: *о Сказателномъ со Г(лаго)лом*.

Обратим внимание и на полисемию лексемы *слово* в средневековых источниках. Она выражает специальные ЛСВ: разум; смысл, значение; слог, стиль; повествование, рассказ; высказывание, изречение; буква; словесный знак, символ; стилистическая фигура; довод; текст (СлРЯ XI – XVII вв., вып. 25: 98-105). Ср.: *словесница (словесницы)* – «логика».

На материале церковных контекстов (в основном) Мелетий Смотрицкий рассматривает структуру простых, осложненных и сложных предложений. Но основу изложения составляет истолкование словосочетаний с главным глагольным членом, не только на уровне управления, но и примыкания: *наречия примещут(ъ)ся Именемъ/ Глаголомъ*. Основное внимание уделяется *правилу*. Отступления от правил построения славянской речи называются *смятение (омрачение разума)*. Простые предложения (в современной

терминологии) как иллюстративный материал у Мелетия Смотрицкого имеют наибольшие соответствия с современным изложением фактического материала.

Образный синтаксис, по М. Смотрицкому, это – синтаксис художественной речи. Основное внимание автор уделяет *простому* синтаксису, впервые в восточнославянской грамматике сравнивая анализируемые церковнославянские словосочетания и простые предложения с греческими, латинскими и украинскими. Заметное место отводится конструкциям, калькированным с греческих образцов, причем такие конструкции признаются грамматистом необходимыми для церковнославянского языка. Обратим внимание, что использование причастия со связкой вместо инфинитива объясняется греческим влиянием. В соответствующих случаях подчеркивается различие греческого и славянского материала: частотность славянского родительного падежа, согласование имени прилагательного с существительным в роде, числе, падеже, использование творительного падежа на месте греческого винительного, притяжательного местоимения *свой* вместо энклитических форм возвратного местоимения и т.д. Для исследователя специальной литературы отечественного средневековья важно замечание Смотрицкого о нормативности конструкции *еже + инфинитив*.

Заслуживает внимания материал, раскрывающий особенности славянского синтаксиса, в частности указания на наличие творительного падежа с его инструментальным, причинным, определительным и др. значениями, предложного падежа (*Сказателнаго*) с локальным значением. Выделяя нехарактерные для живых славянских языков позднего средневековья конструкции в «старославянском» языке, грамматист советует от них отказываться.

Наряду с книжными, рассматриваются и некоторые конструкции, взятые из разговорной украинской речи, в том числе из юго-западных диалектов.

Особое место занимают разделы «О Вопросении и о(т)вещании», о порядке слов – «О чине грамматичесте».

Синтаксис Мелетия Смотрицкого дополняет его морфологию, этот раздел словоцентричен: здесь говорится о дательном самостоятельном, о супине, о сочетаниях инфинитива с глаголами: *хощу/ имамъ*, о типовых предложениях, употребляемых с отдельными падежами.

Труд Мелетия Смотрицкого, изданный в Москве, позже в Санкт-Петербурге, а также распространенный в рукописной версии, оказал большое влияние на грамматическую традицию XVIII в. Акад. В.В. Виноградов справедливо отметил, что вместо дифференциации разных типов словосочетания в грамматиках этого времени задача их описания сводилась к составлению перечня слов с одинаковыми падежными или предложно-падежными связями без попытки общей их грамматической или семантической характеристики, без изучения соотношений и взаимоотношений между разными словесными группами [5]. Исключением стали труды М.В. Ломоносова. Из материалов к «Российской грамматике» была заимствована грамматистами XVIII – XIX вв. форма подачи словосочетаний в списках, что позволило включить учение о действительных и страдательных оборотах, о роли предлогов в глагольно-именных сочетаниях в раздел синтаксиса грамматик [6]. Большой фактический материал грамматических сочинений второй половины XVIII в. связан с подготовкой к печати САР-1 [6]. В отличие от труда Мелетия Смотрицкого, словосочетания фиксируются не только со стержневым словом – глаголом, но и с наречиями и именами в роли стержневых слов. В наших материалах специальное название *управление* зафиксировано только в начале XIX в.: *словосочинение управление почти совершенно бывает произвольно, а посему весьма затруднительно во всех языках* (Н. Язвицкий Всеобщ. филос. грам., 1810: 132).

Формулировки грамматических законов и правил словосочинения, по наблюдениям В.В. Виноградова, в трудах этого времени примыкают к ломоносовским, как и грамматическая терминология: *знаменательные речения* – «части речи», *знаменательные речения главные* – «существительные, прилагательные, глагол, т. е. те, которые образуют суждение» *о сочинении глаголов* – «о глагольных словосочетаниях и об образовании форм будущего времени с инфинитивом», *парадигма; понятия; идеи вещей и деяний; речи* – «предложения»; *речения, речь составляющие* – «члены предложения», *натуральный порядок* – «нормативный порядок слов» [7].

М.В. Ломоносов в 6-м наставлении «О сочинении частей слова» основное внимание традиционно уделяет имени и глаголу с учетом их логического наполнения: *Вещь иметь должна прежде всего бытие, потом деяния. Того ради между речениями, речь со-*

ставляющими, первое место должно иметь имя, вещь знаменующее, потом глагол, изъясняющий оныя вещи деяние (Лом. Рос. грам., № 81). При этом ученый подчеркивает распространенность в русском языке простых двусоставных предложений. Под *сочинением* грамматист понимает словосочетание, различая *сочинение имен*, типа: *сын отечества, на горе на высокой* и *сочинение глаголов*, типа: *родился в Москве* (указывается обстоятельство места), *занял денег на два месяца* (указывается обстоятельство времени). Обращает на себя внимание факт повышенного внимания ученого к предложному управлению. В тексте отсутствуют термины согласование, управление и примыкание. Но новыми по сравнению с Мелетием Смотрицким является указание на роль союзов в словосочетаниях: *Союзы не что иное суть, как средства, которыми идеи скрепляются...слово важнее и великолепнее бывает, чем в нем союзов меньше* (Лом., Рит.-1, № 325). Широко известными в это время стали грамматические термины М.В. Ломоносова: *простое предложение, подлежащее, сказуемое*, используемые в главе «О сложении речей». Усиление грамматической составляющей в филологических трудах М.В. Ломоносова связано и с описанием обособленных оборотов, выраженных прилагательными и причастиями, с указанием на роль однородных членов предложения, особенно в функции сказуемого. Как риторические формы ученый рассматривает риторические вопросы, вопросительно-ответные формы, обращения, повторы.

Учение о простом предложении в трудах грамматистов второй половины XVIII в. не всегда включается в грамматику. В ряде учебных пособий присутствует общее философское введение, раскрывающее понятия языка, слова и предложения, типа: *Я разделяю науку предложения на грамматику и реторику. Первая содержит ... словосочинение, словосоставление и другие знаки мысленные* (Пельский, 1803, ч. 1: 87). Согласно данным Картотеки Словаря русского языка XVIII в. (СПб), в специальной литературе этого времени широко представлены варианты наименований: *синтаксис словосочинение* (Кург. Письм., 1790: 256); *Syntaxe Синтаксима словосочинение- сочинение словъ по правилам грамматики* (ФРЛ, 1786-2: 572). Ср.: *Сочинение частей слова; некоторые из предлоговъ полагаются (сочиняются) пред именами существительными и обще с глаголами совокупляются* (Лом. Рос. грам. / ПСС,

т. 7: 756). Часто предложение толкуется как логическое: *Силлогизмъ (Syllogisme)* – заключение, состоящее из трехъ предложений, т. е. из первой и второй посылокъ и предложения следствия (*Corollaria*) (ФЛР, 1786-2: 571); *Сложенныя идеи по логически называются рассуждениями, а когда словесно или письменно сообщаются, тогда предложениями* (Лом. Рит.-2:19); *Рассуждение, выраженное словами, называется предложением* (Козельск., Философ. предложения, 1768: 18). Идея Аристотеля, что не всякое предложение есть суждение, а только то, где есть истинность или ложность, уточняется за счет указания на роль утверждения/отрицания: *Всисии предложения заключаютъ въ себе два понятия А и В, которые называются термины предложения. То понятие, о которомъ что-нибудь утверждается или отрицается, называется подлежащее, а второе понятие, говорится прилично ли оно или неприлично (соответствует. – Л.Р.) первому называется сказуемое; предложение утвердительное, предложение отрицательное* (Эйлер, Письма-2: 95, 96). Обратим внимание на появление специального словосочетания: *практическое предложение*, т. е. грамматическое: *Теоретическое предложение есть то, въ которомъ о подлежащемъ утверждается или отрицается сказуемое, а практическое есть то, которое утверждаетъ или требуетъ, чтобъ что сделано было* (Козельск., Философ. предложения, 1768: 32). Логически различаются простые и сложные предложения: *Сложныя предложения, заключающия въ себе больше нежели одно понятие. Изъ сложныхъ предложений чаще всехъ употребляются условныя (Propositiones Condicionalis)* (там же: 138, 139, 20). Но здесь же есть и положения чисто грамматические: *Предложение простое есть то, которое состоитъ изъ одного подлежащегоо и одного сказуемаго. Предложение сложное есть то, въ которомъ находятся или несколько подлежащихъ или несколько сказуемыхъ.* В примере: *божий и гражданский законы...* представлено простое с современных синтаксических позиций предложение (Козельск., Философ. предложения, 1768: 19). Ср.: *В числе сложныхъ предложений полагаются связныя (Copulativae) и раздельныя (Ditiunctivae). Связное предложение есть то, в которомъ употребляются слова и, какъ, такъ, так же какъ, так и. Раздельное предложение есть то, въ которомъ находятся слова или, либо* (там же: 20). По законам логики выделяются типы предложений: *предложение ге-*

неральное или общее называется, когда причина, для каторой сказуемое сообщается съ подлежащимъ, находится въ натуре самага подлежащегоо, а ежели...вне подлежащаго, то такое предложение будетъ особенное (там же: 21); *единственныя предложения, когда подлежащее онаго есть существо нераздельное: *Виргилий был великий стихотворец** (там же: 136). Ср.: *единственное предложение должно почитать какъ всемственное* (Эйлер, Письма-2: 137). Ср.: *Argument* – *основательное предложение, доказательство* (ЛВ-1,1755: 138).

Представляют интерес наименования членов суждения (философского предложения): *сказуемое (Praedicatum)* (Козельск., Филос. предл., 19), *подлежащее* – *υποκείμενον, subjektum* (Поликарп., Лекс., 1704: 220); *подлежащее и присвояемое* (на полях: *Subjektum, attributum* (Тред., Соч. Т.1. 1752:254); *определение – Definitio* (Росп. неуп. сл.:313). Ср.: *о прилогахъ или свойствахъ* (Пуфф., О долж., 1720: 433). *Субъектумъ* (на поле: *подлежащее*) и *объектумъ* (на поле: *предлежащее*) (Кант., Кн. Система 1722: 324); *предмет – Objectum* (Росп. неуп. сл. 313).

Наименования членов предложения ограничены в источниках XVIII в. Обнаружено только название обстоятельств: *обстоятельства мѣста* (Лом.Рос. грам.:24), *обстоятельства времени* (Козельск., Рассужд. о познании: 25), *обстоятельства дѣйствия и причины* (Перев. из Энци.: 4-5).

Термины *объект, атрибут* остались принадлежностью логик и «философских грамматик». К сложным авторы относят конструкции, предикативные части которых соединены союзами, поэтому здесь демонстрируются различные случаи употребления союзов. Только Н.Г. Курганов говорит о других способах связи частей сложного предложения: о роли местоимений, причастий, деепричастий и наречий.

Новым явлением для грамматик XVIII в. стало уточнение и расширение сведений о пунктуации. Излагая сведения *о препинапияхъ строчныхъ*, грамматисты, наряду с традиционными *точкой, запятой, двоеточием (двумя точками)*, рекомендуют употреблять и новые знаки: *точку с запятой, полutoчие, запятую точку; черту единительную, черту единитную, молчанку (тире); вопросительный и удивительный (восклицательный) знаки; скобки, вместиительный знак; отменительный, вносный, вносительный знак (кавычки)*, большинство

из которых было введено в научный оборот М.В. Ломоносовым и А.А. Барсовым [8].

Таким образом, М.В. Ломоносов впервые в отечественной грамматике поставил и решил вопрос о связи форм знаменательных частей речи с различиями их реальных значений и с различиями их синтаксического употребления. Заслуживает внимания стремление грамматиста определить *оттенение смысла глаголов в сложении с разными предлогами*. Ломоносов М.В. впервые ввел в практическую грамматику в качестве иллюстративного материала не отдельные примеры, а целые фразы из русской разговорной речи. Но основная заслуга М.В. Ломоносова в умении абстрагироваться от конкретного (частного) и в нахождении предельно сжатых и предельно отчетливых формул, выражающих слагавшиеся веками правила, определяющие грамматический строй русского языка. Учение о словосочетании и, частично, о предложении освобождается ученым от формальных логических коннотаций, а собственно риторические положения, особенно наглядно проявляемые в разделе о синтаксических фигурах, заменяются замечаниями стилистического характера. Учение о грамматическом предложении, потеснившее учение о словосочетании, – новый аспект грамматик, начиная со второй половины XIX в.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Античные теории языка и стиля. – М.-Л., 1936. – С. 36-64; 71; История лингвистических учений. Древний мир. – Л., 1980. – С. 7-19.
2. Тронский И.М. Вопросы языкового развития в античном обществе. – Л., 1973. – С. 9-23; 45-57; 72-78.
3. Аннушкин В.И. Первая русская риторика XVII века. – М., 1998. – С. 76-80.
4. Рупосова Л.П. «Лоика, правда в ней многа...» / Русский язык и славистика в наши дни. – М., 2004. – С. 310-321.
5. Виноградов В.В. Из истории русского синтаксиса. – М., 1958.
6. Булич С.К. Очерк истории языкознания в России. Т. 1. – СПб., 1904; Грунский Н.К. Очерки по истории разработки синтаксиса славянских языков. – Юрьев, 1911; Ломтев Т.П. Из истории синтаксиса русского языка. – М., 1954; Спринчак Я.А. Очерк русского исторического синтаксиса. – Киев, 1960; Федаева Т.И. Русская лингвистическая терминология второй половины XVIII в. – М., 1997.
7. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). – М., 1947.
8. Осипов Б.И. Древняя русская пунктуация в свете актуального членения предложений. – М., 1978.

Источники:

1. Барсов А.А. Российская грамматика. – М., 1981.
2. (М.Г. Смотрицкий) Грамматика славенская правильное синтагма. – М., 1648.
3. Зизаний Л. Грамматика словенская. – München, 1972.
4. Иоанн Дамаскин. Диалектика. ВМЧ, Дек.1-5. XVI -XV в.
5. Книга г(лаго)лемая лоика сиречь словесница. РНБ, Q XVII, 261. XVII-XV в.лл.124 -165 об.
6. Книга г(лаго)лемаа логике сиречь словесница. РНБ, Сол.105/105. XVII- XV в.лл.44 об.- 120.
7. Книги суть Риторики двои. РГБ, фонд 310, № 874. 1623 г.
8. Ломоносов М.В. Материалы к Российской грамматике // ПСС, т. 7. – М.-Л., 1952.
9. Ломоносов М.В. Российская грамматика // ПСС. Т. 7. – М.-Л., 1952.
10. Мелетий Смотрицкий. Грамматика. – Киев, 1979.
11. Философские беседы. Беседа о грамматических скрижалех. РНБ, Q XVII, № 283.
12. Ягич И.В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке// ОРЯС имп. АН. Т. 1. – СПб., 1895.